

© 2014 г.

Евгений Балацкий

доктор экономических наук, профессор
главный научный сотрудник ЦЭМИ РАН
(e-mail: evbalatsky@inbox.ru)

МАТЕРИАЛЬНОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ И МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ

В статье рассматривается финансовая сторона мегапроекта по продвижению пяти российских вузов в топ–100 международных рейтингов университетов. Построенная эконометрическая зависимость, фиксирующая связь между местом российских вузов в рейтинге «Webometrics» с уровнем зарплат профессорско-преподавательского состава и ректоров, позволяет оценить объем финансовых затрат для достижения поставленной цели. Выполненные расчеты свидетельствуют, что необходимые вложения являются чрезмерными для российского бюджета и, скорее всего, будут убыточными. Обоснован тезис, что в настоящее время программа по повышению международной конкурентоспособности российских вузов характеризуется ярко выраженным недофинансированием.

Ключевые слова: университеты, глобальные рейтинги, проекты, рентабельность, эффективность, персонал, доходы, заработная плата.

Выращивание национальных университетов-чемпионов: роль материального фактора. В настоящее время сфера высшего образования России переживает противоречивый период своего развития. С одной стороны, в 2012 г. было принято решение о создании в стране пяти университетов-чемпионов, которые смогли бы к 2020 г. войти в первую сотню ведущих мировых вузов согласно глобальным рейтингам университетов (ГРУ). Эта задача была закреплена в Указе президента РФ № 599¹. С другой стороны, в 2014 г. стал очевиден бюджетный кризис, борьба с которым привела к коллапсу университетского сектора и масштабному высвобождению представителей профессорско-преподавательского состава (ППС) вузов. Таким образом, качественное усиление отечественных уни-

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» // «Российская газета», Федеральный выпуск № 5775, 09.05.2012.

верситетов должно произойти на фоне количественного сокращения их кадрового состава. Наложение таких двух линий развития, судя по всему, приведет к колоссальному перераспределению бюджетных средств от одной группы вузов-аутсайдеров к другой группе университетов-лидеров. В связи с этим на повестке дня стоят несколько взаимосвязанных вопросов. Насколько реалистично вхождение пяти российских вузов в топ-100 ГРУ? Какие финансовые издержки потребует выполнение этой задачи? Может ли для выполнения поставленной цели помочь материальное стимулирование высшего менеджмента и профессуры вузов?

Ранее была сделана попытка оценить выполнимость рассматриваемой задачи с позиции создания адекватной региональной среды, в которой функционируют университеты¹. Однако это было исследование общего и в каком-то смысле «внешнего» фактора региональной среды, тогда как рассмотрение такого «внутреннего» фактора, как уровень зарплаток ППС в каждом конкретном вузе, проведено не было. Попытка выяснить связь зарплаток ППС и ректоров вузов с академической результативностью вузов в виде активности публикаций их сотрудников в лучших российских журналах не привела к положительному результату; никакой явной связи на используемых выборках обнаружить не удалось². Неожиданный успех в данном направлении был получен в работе З. Закиевой, которой удалось получить значимую связь между местом российских вузов в испанском веб-рейтинге «Webometrics» и доходами их ректоров и ППС³. Таким образом, оказалось, что материальный фактор стимулирования кадров проявляется при исследовании именно международных результатов работы российских университетов. Причем полученный результат может считаться вполне достоверным, ибо он был получен для репрезентативной и достаточно большой выборки в 100 вузов. Данный факт служит для нас исходной точкой для дальнейшего анализа проблемы.

Попытаемся ответить на все вопросы о цене выращивания российских университетов-чемпионов на примере рейтинга «Webometrics». При этом сразу оговоримся, что данный рейтинг является весьма специфичным и результаты применительно к нему не могут быть распространены на другие рейтинги. Это связано с тем, что «Webometrics» основан на оценке уни-

¹ См.: Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Условия формирования российских университетов мирового класса // «Общество и экономика», № 7–8, 2012.

² См.: Балацкий Е.В. Эффективность управления российскими университетами: коллизии и эксцессы // «Общество и экономика», № 5, 2014.

³ См.: Закиева З.А. Повышение международной конкурентоспособности российского высшего образования. Диссертация на соискание степени магистра. М.: Государственный университет управления, 2014.

верситетских сайтов и не учитывает никаких внутренних научных и образовательных параметров. Тем не менее, как оказалось, насыщенность, популярность и «сила» сайтов зависят от материального положения вузов и, в частности, от материального положения их сотрудников. На первый взгляд, подобный результат кажется парадоксальным, однако при более пристальном рассмотрении проблемы он становится вполне логичным. Дело в том, что количество и качество материалов, размещенных на сайтах вузов, напрямую зависит от квалификации и активности руководства и ППС, что, в свою очередь, зависит от уровня их заработков.

Важная особенность рейтинга «Webometrics» состоит в его величине – он включает несколько десятков тысяч вузов и постоянно расширяется. Тем самым даже периферийные российские вузы получают в этом рейтинге определенное место и могут отталкиваться от него при выработке своей политики; для исследователя это дает возможность сформировать репрезентативную выборку для эмпирических расчетов.

Особенностью модели З. Закиевой является учет двух кадровых групп вузов – высшего менеджмента в лице ректора и ППС. Тем самым предполагается, что результаты деятельности вуза определяются активностью его руководителя и преподавателей, которые воплощают установки руководства. Соответственно и система материальных стимулов распадается на две части – доходы (продекларированные) ректоров и средние заработки ППС; выбор данных агрегатов обусловлен наличием соответствующих статистических данных. Искомая эконометрическая зависимость может быть выражена в простейшей линейной форме:

$$R_i = \alpha + \beta W_i + \gamma D_i + \varepsilon_i, \quad (1)$$

где R_i – место (ранг) i -го университета в рейтинге «Webometrics»; W_i – среднемесячная зарплата ППС i -го университета; D_i – декларируемый доход ректора i -го университета; α , β и γ – параметры модели; ε – ошибка модели (случайный компонент).

Прикладные расчеты на статистических данных за 2012 г. позволили получить следующую эконометрическую зависимость¹:

$$R_i = \underset{(944,21)}{9830,11} - \underset{(22,24)}{63,81} W_i - \underset{(1,26)}{5,09} D_i + \varepsilon_i, \quad (2)$$

$N=100; R^2=0,25; F=15,72,$

¹ См.: Закиева З.А. Повышение международной конкурентоспособности российского высшего образования. Диссертация на соискание степени магистра. М.: Государственный университет управления, 2014.

где N – число наблюдений; R^2 – коэффициент детерминации; F – значение F -критерия; под коэффициентами регрессий в скобках указаны значения стандартных ошибок. Полученная модель проходит основные статистические тесты и может быть признана вполне удовлетворительной для дальнейших практических расчетов. Заметим, что малое значение коэффициента детерминации означает, что на расположение вуза в рейтинге материальный фактор влияет не определяющим образом; на $\frac{3}{4}$ выходная переменная определяется другими факторами, не учтенными в модели. Тем не менее, полученная зависимость (2) вполне может быть использована для получения ориентировочных макроэкономических оценок.

Оценка затрат на выращивание университетов-чемпионов. Соотношение (2) является исходной аналитической конструкцией для методики оценки роли материального фактора в продвижении российских вузов в топ-100 «Webometrics». Для начала уясним взаимную эффективность и цену двух факторов – доходов ректора и зарплаты ППС. Из модели непосредственно вытекает, что увеличение на 1 тыс. руб. среднего заработка ППС дает эффект в 12,5 раза больше, чем аналогичный рост доходов ректора. Однако цена такого превосходства достаточно высока. Чтобы определить затраты на оба контингента, надо учесть то обстоятельство, что ректоров гораздо меньше, чем работников ППС. В связи с этим для понимания относительной «цены» указанных эффектов рассмотрим выполнение условия их равенства:

$$\beta L_i^{PR} = \mu \gamma, \quad (3)$$

где L_i^{PR} – численность ППС i -го университета; $\mu = \beta/\gamma$.

Чтобы не вычислять оценку (3) для конкретного вуза, усредним данные по всем отечественным образовательным заведениям. Так, в 2012–2013 гг. в России насчитывалось 1046 вузов, в которых работало 342 тыс. представителей ППС. Это означает, что в среднем на одного ректора вуза приходилось 327 сотрудников ППС. Это означает, что сопоставимый эффект от стимулирования профессоров оказывается в 26,2 раза дороже, чем от стимулирования ректоров. Иными словами, имеет место сложная картина в распределении групповых стимулирующих эффектов: вузы в 12,5 раза чувствительнее к росту зарплаток ППС, чем ректоров, но затраты на сопоставимый эффект для ППС оказываются в 26,2 раза выше, чем для ректоров.

Полученный результат сам по себе является очень важным и интересным. В соответствии с ним отдача от вознаграждения ректоров многократно больше, чем от вознаграждения рядовых преподавателей. Одна из вульгарных интерпретаций данного обстоятельства может быть такой:

эффективность (отношение результата к затратам) ректора выше, чем эффективность его сотрудников. Отсюда напрашивается вывод, в соответствии с которым гораздо выгоднее стимулировать малочисленный ректорский корпус, нежели многочисленный ППС. Не исключено, что такая логика лежала в основе действий российского регулятора, который все предыдущие годы всячески поощрял руководителей вузов, игнорируя незавидное положение профессоров. Как оказывается, у такой интуитивной позиции есть вполне реальное экономическое основание. Если же к сказанному добавить, что ректорский корпус со стороны учредителя характеризуется высокой управляемостью по сравнению с ППС, то выбор в его пользу становится еще более логичным.

Однако в дальнейшем мы не будем рассматривать вариант роста зарплаток ректоров, т. к. сегодня разрыв между их доходами и зарплатой ППС слишком велик и переходит уже в разряд политических проблем современности. Для иллюстрации возникшей ситуации приведем лишь несколько стилизованных примеров. Так, в Самарском государственном техническом университете соотношение доходов ректора и ППС в 2012 г. составляло 46 раз, в Гарвардском университете – примерно 5 раз, а в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса (University of California Los Angeles – UCLA) – всего 3 раза. Расчеты показывают, что, например, общие доходы ректора Высшей школы экономики (ВШЭ) превышают доходы ректора UCLA на 22%, а после уплаты налогов – на 70%¹. При этом UCLA занимает 12-ю позицию в британском рейтинге THE, в который ВШЭ даже в отдаленной перспективе вряд ли сможет войти. Таким образом, можно констатировать, что фактор роста доходов ректорского корпуса России уже исчерпан и на повестке дня стоит задача повышения материального благосостояния преподавателей.

Для поставленной задачи нам необходимо вычислить среднюю зарплату ППС (W^*), которая обеспечит вхождение вуза в топ-100 рейтинга «Webometrics», при заданном уровне дохода ректора. Это можно сделать по формуле:

$$W_i^* = \frac{R_i^* - \gamma D_i - \alpha}{\beta}, \quad (4)$$

где R^* – заданное значение рейтинга «Webometrics»; для нашего случая $R = 100$.

В дальнейшем величину W^* будем называть конкурентной зарплатой ППС, т. к. именно она позволяет российским университетам на равных осуществлять соперничество с лучшими вузами мира.

¹ См.: Балашов М.В. Физтех, топ-100 и карго-культ // «Троицкий вариант», № 12(156), 2014.

Чтобы оценить годовой объем дополнительных средств (Z), необходимых для обеспечения попадания n вузов в топ-100 рейтинга «Webometrics», можно воспользоваться следующей формулой:

$$Z = k(1 + \nu) \sum_{i=1}^n (W_i^* - W_i) L_i^{PR}, \quad (5)$$

где k – число месяцев в году ($k=12$); ν – социальный налог (доля социальных начислений на заработную плату, $\nu=0,32$). Так как правительством страны планируется обеспечение присутствия в топ-100 рейтинга «Webometrics» пяти вузов, то в формуле (5) $n=5$.

Для проведения прикладных расчетов необходимо выбрать пять вузов, которые желательно «продвинуть» в топ-100 рейтинга «Webometrics». Для расчетной процедуры данный выбор не имеет принципиального значения, т. к. он должен позволить оценить масштаб изучаемого явления. При необходимости набор выбранных вузов может быть изменен, однако полученная макрооценка, скорее всего, принципиально не изменится. Для большей наглядности будем рассматривать следующие пять университетов: Московский физико-технический институт (МФТИ), Московский государственный технический университет (МГТУ) им. Н.Э. Баумана, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет (СПбГПУ), Российский экономический университет (РЭУ) им. Г.В. Плеханова, Российский университет дружбы народов (РУДН). Данный набор не полностью совпадает с официальным списком вузов-претендентов на вхождение в топ-100 ГРУ, однако он содержит в себе как технические, так классические и социальные университеты, что делает его более представительным. Все расчеты осуществляются на основе данных за 2012 г. (табл.1); численность ППС взята с официальных сайтов университетов за 2012–2013 гг.

Таблица 1

Исходные данные для пяти вузов-претендентов на вхождение в топ-100 рейтинга «Webometrics», 2012 г.

Университет	Место в «Webometrics»	Численность ППС, чел.	Средне-месячный доход ректора, тыс. руб.	Средне-месячная зарплата ППС, тыс. руб.
МФТИ	914	3233	949,7	32,1
МГТУ	1459	2142	804,3	44,6
СПбГПУ	947	2113	901,5	48,1
РУДН	1835	2102	828,6	49,9
РЭА	3687	1200	501,2	54,9

Проведенные расчеты величины конкурентной зарплаты ППС приведены в табл. 2, которая позволяет сделать несколько важных выводов.

Во-первых, намеченная акция по вхождению рассмотренных пяти вузов в топ–100 рейтинга «Webometrics» предполагает очень серьезный рост зарплаток ППС. В среднем по пяти вузам он составляет рост почти в 5 раз, что подразумевает своеобразную революцию в университетской среде. Как правило, столь масштабные повышения стоимостных показателей вызывают большое напряжение в социальной системе. Такой мощный рост зарплаток даже в течение нескольких лет трудно реализуем, если не сказать, что он вообще лежит за рамками нынешних возможностей университетской системы.

Таблица 2

Величина конкурентной зарплаты ППС

Университет	Среднемесячная конкурентная зарплата ППС		Отношение W*/W, раз
	тыс. руб.	тыс. долл.	
МФТИ	228,2	6,7	7,11
МГТУ	216,6	6,4	4,89
СПбГПУ	224,4	6,6	4,70
РУДН	218,6	6,4	4,41
РЭА	192,5	5,7	3,53

Во-вторых, выход ППС на конкурентную зарплату означает не что иное, как выход на международный стандарт профессорского заработка. В среднем по пяти вузам он составляет 76,3 тыс. долл. в год, что является западноевропейским стандартом оплаты профессорского труда. Тем самым проведенные расчеты лишней раз подтвердили, что без достижения международного стандарта оплаты труда ППС вхождение российских вузов в когорту университетов мирового класса невозможно.

В-третьих, российские вузы пока еще имеют конкурентное преимущество по зарплате ППС. Так, согласно проведенным расчетам, выход вуза на 1-е место рейтинга «Webometrics» по показателю конкурентной зарплаты почти не отличается от ее величины при выходе на 100-е место. Такой эффект связан с тем, что некоторым российским вузам для выхода на 100-е место надо преодолеть путь в 3,5 тыс. позиций; дополнительно еще 100 мест уже мало что меняют. Вместе с тем в западных вузах, занимающих первые позиции в рейтинге, зарплата профессоров колеблется в интервале 150–210 тыс. долл. в год, что в 2,0–2,8 раза больше, чем средняя конкурентная зарплата в рассмотренных пяти российских вузах. Следовательно, даже при реализации указанного роста зарплаток ППС в передовых вузах

России эффект недоплаты все равно сохранится, что является выгодным как для самих университетов, так и для страны в целом.

Расчет общей величины затрат Z по формуле (5) на увеличение зарплаток ППС показывает, что на эти цели нужно дополнительно 29,6 млрд руб., что соответствует 0,87 млрд долл. Это и есть макроэкономическая оценка намеченного амбициозного мероприятия по выходу России в число мировых лидеров в сфере высшего образования.

Оценка политики по финансовой поддержке университетов-чемпионов. Полученная выше цифра нуждается в осмыслении. Насколько она велика? Реалистично ли привлечение такого объема дополнительных финансовых ресурсов? Насколько соответствует данная величина осуществляемым мероприятиям?

Постараемся последовательно ответить на поставленные вопросы.

Таблица 3

Данные о фонде оплаты труда ППС, 2012 г.

Показатель	Фактический	Скорректированный
Среднемесячная зарплата ППС вузов, тыс. руб.	18,99	26,63
Годовые затраты на оплату труда ППС, млрд руб.	77,95	109,28
Доля затрат на зарплату университетов-чемпионов в общих затратах на оплату труда ППС, %	37,9	27,0

Для начала оценим затраты на оплату труда ППС российских вузов. Учитывая численность ППС в 2012 г. и среднюю зарплату работников сферы образования, легко вычислить величину фонда заработной платы ППС (табл. 3). При этом рассмотрим еще и вариант скорректированной зарплаты ППС, которая равна средней по экономике России; именно такое требование было выдвинуто регулятором в 2012 г., и к началу 2014 г. заработки ППС вузов в основном действительно вышли на среднерегиональный уровень зарплаток.

Из табл. 3 видно, что полученная нами сумма затрат на зарплату пяти университетов-чемпионов в 29,6 млрд руб. даже в случае увеличенной оплаты труда остальной части ППС составляет огромную сумму – более четверти всего фонда зарплаты ППС. Однако это еще не все. Дело в том, что выбранные нами пять вузов могут выступать в качестве некоего ядра университетов-чемпионов, однако на самом деле оно должно быть существенно больше для обеспечения здоровой конкуренции между вузами за

выделяемые им бюджеты; в противном случае вузы-чемпионы превратятся в обычных бюджетных иждивенцев.

На практике российским регулятором реализована именно такая схема стимулирования межвузовской конкуренции. Так, в июле 2013 г. Совет по повышению конкурентоспособности ведущих вузов России в качестве отечественных мировых образовательных центров (МОЦ) выбрал 15 университетов, которые и попали в программу «5–100–2020». Сначала проект «5–100–2020» (минимум пять российских вузов должны попасть в топ-100 международных рейтингов – шанхайского ARWU, британских QS и THE – к 2020 г.) был запущен для следующих вузов: МФТИ, Московский институт стали и сплавов (МИСиС), Высшая школа экономики (ВШЭ), Московский инженерно-физический институт (МИФИ), Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет (ЛЭТИ), СПбГПУ, Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, Дальневосточный федеральный университет, Казанский федеральный университет, Уральский федеральный университет, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Самарский государственный аэротехнический университет им. С.П. Королева, Новосибирский государственный университет, Томский государственный университет, Томский политехнический университет. Однако в 2014 г. число российских вузов, которым государство будет оказывать поддержку для повышения конкурентоспособности на мировой арене, сократилось до 14 – из списка МОЦ был исключен ЛЭТИ, которому не удалось «защитить» свои дорожные карты (программы повышения конкурентоспособности). Место выбывшего из списка ЛЭТИ никто не займет; более того, круг вузов-победителей будет сужаться и дальше – следующий пересмотр состава участников проекта состоится в 2015 г.¹

Сказанное свидетельствует о том, что оцененный нами бюджет университетов-чемпионов в 29,6 млрд руб. с учетом вузов-конкурентов, создающих здоровую конкурентную среду, должен быть увеличен примерно в 3 раза. А эта цифра уже является запредельной: в сценарии со скорректированной зарплатой университеты-чемпионы «съедят» 81% всего фонда оплаты труда ППС страны и на все остальные вузы останется лишь 19% его величины; в сценарии с фактической зарплатой фонд «чемпионов» превысит весь общероссийский фонд оплаты труда ППС. Тем самым напрашивается недвусмысленный вывод о том, что реализация амбициозного проекта «5–100–2020» представляет собой непосильную для страны

¹ См.: Коваленко А. Тест для избранных // «Эксперт Урал», № 15(596), 07.04.2014. URL: <http://expert.ru/ural/2014/15/test-dlya-izbrannyih>.

задачу. Следовательно, следует признать, что и сам проект представляет собой стратегическую ошибку правительства.

Теперь рассмотрим реализацию проекта «5–100–2020». Так, совокупный объем поддержки отобранных МОЦ до 2016 г. составит 40 млрд руб.¹ Учитывая, что в настоящее время насчитывается 14 МОЦ, средний объем полученных каждым университетом-чемпионом средств за 4 года составляет 2,86 млрд руб. или 0,71 млрд руб. ежегодно. Такова «цена» статуса МОЦ. Однако в соответствии с нашими расчетами на каждый МОЦ должно приходиться 5,92 млрд руб. ежегодно ($29,6:5=5,92$). Это в 8,3 раза больше того, что реально выделяется. Тем самым можно констатировать, что имеет место почти порядковое недофинансирование проекта.

К сказанному добавим следующее. Выделяемые университетам-чемпионам ежегодные 0,71 млрд руб. отнюдь не предназначаются работникам ППС. Это в основном траты на инфраструктуру вуза и научное оборудование. Реально от означенной суммы на прирост зарплат ППС может быть потрачено не более 10%, а это означает недофинансирование проекта «5–100–2020» уже на два порядка. Скорее всего, такая скудная поддержка вузов-чемпионов просто-напросто не принесет желаемых результатов, а сам проект станет провальным.

Надо сказать, что полученные нами оценки совпадают с оценками экспертов. Например, ректор ВШЭ Я. Кузьминов считает, что один только нормальный инженерный факультет вуза должен стоить около полумиллиарда долларов, а оборудование должно обновляться раз в 5 лет². Если в вузе 8–12 факультетов, то мы как раз выходим на полученную нами сумму в 6 млрд руб.

Теперь попробуем сопоставить требуемый бюджет университетов-чемпионов в простом случае (только 5 вузов ядра – 29,6 млрд руб.) и в сложном случае (при создании конкурентной среды из дополнительных 10 вузов – 88,8 млрд руб.) с таким показательным и во многом хрестоматийным проектом, как зимняя Олимпиада Сочи–2014. Как оказывается, эти проекты по масштабу затрат вполне сопоставимы. Так, бюджетные средства, пущенные на строительство спортивных сооружений олимпиады, составили 100 млрд руб., а на развитие инфраструктуры региона – 430 млрд руб.³ Однако надо учесть еще один важный момент – бюджет университетов-чемпионов является годовым, а затраты на Олимпиаду в Сочи – кумулятивными. Если

¹ См.: Коваленко А. Тест для избранных // «Эксперт Урал», № 15(596), 07.04.2014. URL: <http://expert.ru/ural/2014/15/test-dlya-izbrannyih>.

² См.: Коваленко А. Тест для избранных // «Эксперт Урал», № 15(596), 07.04.2014. URL: <http://expert.ru/ural/2014/15/test-dlya-izbrannyih>.

³ См.: Во сколько обошлась России Олимпиада в Сочи? // «Аргументы и факты», №6, 05.02.2014. URL: <http://www.aif.ru/olymp2014/dontknow2014/1097139>.

же программа финансирования даже только пяти МОЦ продлится 5 лет, то ее стоимость окажется почти в полтора раза больше, чем стоимость построенных строительных объектов в Сочи. Если же государство захочет не просто «ввести» свои вузы в топ–100 рейтинга «Webometrics», но и удерживать их на передовых местах, то ему придется удерживать и указанное финансирование на протяжении примерно 20 лет, а это уже перекроет все государственные расходы на Олимпиаду в Сочи. Если же рассматривать «конкурентный» вариант поддержки вузов-чемпионов, то он вообще превышает все разумные оценки. Все это лишний раз доказывает, что цена вхождения российских университетов в топ-листы ГРУ является чрезмерной и в целом неоправданной.

Рентабельность проекта выращивания вузов-чемпионов В заключение следует отметить, по крайней мере, еще три момента. Во-первых, все оценки затрат на создание университетов-чемпионов на самом деле должны быть еще больше, т. к. помимо роста зарплаток ППС надо еще обеспечить адекватные условия его работы, создать современную инфраструктуру, закупить новое оборудование и т. п. Во-вторых, издержки на зарплату ППС, как, впрочем, и ректоров, являются текущими тратами, которые требуют постоянного воспроизведения, но не дают материального воплощения – в отличие, например, от объектов Олимпиады в Сочи. В-третьих, все расчеты нами были сделаны применительно к ГРУ «Webometrics», однако другие рейтинги могут потребовать не просто других затрат, но и вообще быть недостижимыми для российских вузов.

Кроме всего прочего, выполнение проекта «5–100–2020» может осложниться многими обстоятельствами качественного порядка. Например, уже сейчас намечается серьезное противостояние между менеджментом вузов и ППС. Если так и дальше пойдет, то стимулирование зарплаток профессоров вызовет такие трения внутри университетов, что нормальная работа в них будет просто невозможна. Есть еще и масса организационных вопросов, без решения которых даже масштабные денежные вливания в вузы не приведут к желаемым результатам.

Главный итог проведенного исследования нам видится в уяснении «цены» присутствия российских университетов в качестве лидеров на мировом рынке научных и образовательных услуг. Однако мы пока не затронули вопрос об окупаемости столь масштабного проекта. Насколько это реалистично? Что для этого надо? Какие экономические параметры должны быть у университетов-чемпионов, чтобы вложенные в них деньги вернулись с лихвой?

Учитывая, что главным источником получения доходов для российских вузов является плата, взимаемая за обучение студентов, то в расчетах будем отталкиваться от того, что окупить государственные вложения университеты могут только благодаря повышению платы за образование. Что-

бы не усложнять расчеты, воспользуемся агрегированной схемой, когда все пять вузов рассматриваются в качестве единого пула, имеющего усредненные параметры. Формула для проведения прикладных расчетов имеет вид:

$$(P^* - P)Sq = Z, \quad (6)$$

где P – фактическая годовая плата за обучение студента; P^* – новая (возросшая) годовая плата за обучение студента; S – численность студентов, обучающихся на платной основе; q – доля доходов университета, изымаемая государством в качестве налогов.

В левой части стоит доход государства, получаемый в виде налогов с коммерческой деятельности университетов, в правой – затраты государства на обеспечение международной конкурентоспособности вузов. Из уравнения (6) легко рассчитать ту цену (P^*), которую можно взимать со студентов, когда университет войдет в топ-100 рейтинга «Webometrics». Для этого зададим исходные параметры. Предположим, что ППС пяти вузов, составляющий примерно 11 тыс. чел., будет обучать 50 тыс. студентов в рамках платной формы обучения ($S=50$ тыс. чел.). При этом сегодня усредненная цена учебы в рассматриваемых вузах составляет $P=150$ тыс. руб. в год. Согласно макроэкономическим пропорциям, доля налогов в выручке университета составляет примерно 30% ($q=0,3$). Затраты государства на «продвижение» вузов в ГРУ составляют 29,6 млрд руб. Несложные расчеты показывают, что новая цена, обеспечивающая возврат бюджетных денег, составит $P^*=2,1$ млн руб. в год, что примерно соответствует 62,4 тыс. долл.

К сожалению, полученная величина платы за обучение является нереалистичной. Дело в том, что даже в Гарвардском университете, занимающем традиционно первые позиции во всех ГРУ, годовая плата составляет 60 тыс. долл. (с учетом проживания в кампусе); в Принстонском университете цена еще меньше – 50 тыс. долл. Таким образом, получается своеобразный парадокс: российские вузы, вошедшие в топ-100 рейтинга «Webometrics», будут взимать со своих студентов плату, более высокую, чем Гарвард, являющийся непререкаемым лидером всех ГРУ. Скорее всего, такой сценарий следует признать нереалистичным. В связи с этим можно констатировать, что и окупаемость государственных вложений в рост международной конкурентоспособности российских вузов невозможна. Скорее всего, проект «5-100-2020» станет убыточным.

Остается открытым следующий вопрос: сможет ли возросший престиж российских вузов на мировом рынке образования компенсировать финансовые потери государства?

Не исключено, что политические дивиденды подобной акции стоят таких больших финансовых затрат. Однако это уже вопрос политического выбора.